

**«Новые пути слова»:
теория и методология когнитивного исследования
поэтики авангардного манифеста***

И. В. Зыкова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Аннотация. Статья посвящена изучению авангардного манифеста как манифеста нового типа и раскрытию факторов, обуславливающих специфику его поэтики. Разрабатываются определение поэтики авангардного манифеста и комплексная методология ее когнитивного анализа, направленная на выявление ключевых конститутивных языковых средств формирования поэтики авангардного манифеста.

На примере изучения текста манифеста «Новые пути слова» показано, что в качестве таких средств выступают образные вербальные единицы и специфические (особо выразительные) лексические новации, квалифицируемые как собственно авангардные идиомы, а также «традиционные» фразеологизмы (в широком понимании). Данные группы языковых единиц в совокупности составляют идиоматику авангарда. Проводится типология собственно авангардных идиом и анализируются особенности использования «традиционных» фразеологизмов в тексте авангардного манифеста.

На основании проведенного исследования фреймовой структуры изучаемого текста и анализа концептуальных оснований значений единиц идиоматики авангарда устанавливается концептуально-метафорический коллаж как ведущий лингвокогнитивный прием формирования глубинной основы поэтики авангардного манифеста и основной лингвокогнитивный принцип ее внутреннего устройства.

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134) в Институте языкознания РАН.

Зыкова И. В. «Новые пути слова»: теория и методология когнитивного исследования поэтики авангардного манифеста // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 206–228.

Ключевые слова: авангардный манифест, поэтичность, поэтика, идиоматика авангарда, идиомы, фразеологизмы, концептуально-метафорический коллаж, когнитивный подход.

УДК 81-13

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-206-228

Контактная информация: Зыкова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Б. Кисловский пер., д. 1 стр. 1, Москва, 125009, Россия, irina_zykova@iling-ran.ru)

Вступление

«Поэтичность» vs «поэтика» авангардного манифеста как показатели его жанровой специфики

В современном научном сообществе интерес к изучению авангардного манифеста продолжает неуклонно расти. Главные причины такого внимания заключаются в его роли в авангардном движении и занимаемом центральном положении в целостной системе авангардных (литературных) произведений. Подтверждение этому можно найти в многообразных интерпретациях авангардного манифеста. Он рассматривается, в частности, как «одно из ключевых явлений в культуре авангарда», «наиболее органичная форма самовыражения» представителей разных течений и направлений авангарда¹, своеобразная «художественная форма» (по М. Перлофф), «чистая» форма, «чистая» функция (согласно И. Н. Карасик), «литероводство» (в терминологии М. Эпштейна), жест художественного самоутверждения, «образная параллель живописного произведения» (по выражению Д. В. Сарабьянова), род искусства, часть авангардного ритуала, «реальное» явление самого искусства [ПиЖ, 2000]. Примечательно, что в свое время Ф. Т. Маринетти, основоположник футуризма, считал концепцию (или теорию), излагаемую в манифестах, непосредственной составляющей футуристического жизнетворчества (см., например, [АК, 2010]).

Следует признать, что авангардный манифест занимает обособленное положение в целостной системе родо-жанровой дифференциации произведений или текстов литературы. Эта обособленность или даже исключительность авангардного манифеста обусловлена главным образом тем, что его формирование предполагает «встречу» и участие в определенных долях различных по своей природе взаимодействующих «сил» – философии, политики, науки, литературы (в особенности поэзии) и искусства. В связи с этим авангардный манифест можно представить, выражаясь фигурально, как конструкт, собранный из множества разнородных деталей, в которых отражается его, по сути, «эkleктическая» натура. К примеру, в манифестах авангардистов, как отмечает И. Н. Карасик, «наряду с эпатажно-игровой и профессионально-лабораторной существовала мощная духовно-философская линия» [Карасик, 2000, с. 136]. Значимым результатом такого рода «симбиоза» различных взаимодействующих «сил» является формирование **особой поэтики авангардного манифеста**, сопровождающееся развитием одной из его

¹ Энциклопедия русского авангарда. URL: <http://rusavangard.ru/online/> (дата обращения 05.01.2019).

специфических черт – **поэтичности**. Что же обуславливает уникальность поэтики авангардного манифеста и его поэтичность?

Рассмотрим несколько взаимосвязанных факторов.

1. Прежде всего, своеобразие поэтики и поэтичности авангардного манифеста кроется, несомненно, **в самом феномене авангарда**, который определяется как «глобальный художественно-идеологический комплекс начала XX века, представляющий собой системную целостность особого типа», а также в представлении о **его поэтике в целом**, понимаемой как «основное поле проявления его [т. е. авангарда] внутренних смыслов как эстетических, исторических, национальных, так и теоретических, имеющих общекультурное значение» [Гирин, 2010а, с. 4–5]. Согласно Ю. Н. Гирину, такие конституирующие признаки авангарда, как деформация, слом, разрыв и подобные, «являются отнюдь не главенствующими в данной системе смыслов, а всего лишь дериватами центральной миропреобразующей идеи» [Гирин, 2010б, с. 88]. По замечанию А. А. Кобринского, авангард представляет собой рефлексию на традиционный тип литературы [Кобринский, 2013]. И. Е. Васильев определяет авангард как «орган самообновления» культуры и искусства; в нем проявляют себя законы жизненной диалектики, законы развития и творческого обновления [Васильев, 2000, с. 12]. По мнению И. Е. Васильева, в XX в. «художественное сознание обнаружило <...> искусительную тягу к экспериментам, с помощью которых можно было бы “улучшить” искусство, увеличить его возможности, усилить воздействие на личность и общество, внедрить новые стимулы существования» [Там же, с. 14]. Особенность авангарда неизбежно проецируется и в область поэтики всех его художественных и литературных произведений, манифеста в частности, и не может не отразиться на качественной стороне такого их признака, как поэтичность.

2. Поскольку поэтика и поэтичность авангардного манифеста как его имманентная черта развивались исторически, то требуется также обращение к вопросам **генезиса и особенностей исторического становления жанра манифеста**.

«Жанр» манифеста имеет давнюю традицию. Он уходит корнями в античность, активное формирование в которой получает риторика как ораторское искусство. В русской культуре его становление связывают с *преlestными письмами* или *преlestными грамотами* (XVI–XVIII вв.), содержащими призыв к бунту, к выступлению против власти. По мере развития в рамках данного жанра объединяются тексты, схожие по целому ряду их дискурсивных особенностей. Это прежде всего тексты агитационно-политического и пропагандистско-социального характера (политические листовки, прокламации, воззвания, декларации, приказы и др.), а также художественные тексты (остро) полемического теоретического характера. Одним из примеров последних может выступать литературный манифест «В защиту и прославление французского языка» (1549), нацеленный на обновление национальной поэзии и касающийся вопросов языковой реформы [Эйхенгольц, 1925]. Сопряжение такого рода текстов под эгидой одного «жанра» не могло не привести со временем к его трансформации. Ее предвестником становится, в частности, развитие свойства «поэтичности» в политических манифестах (см., напримр, «Манифест коммунистической партии» (1848) К. Маркса и Ф. Энгельса [Althusser, 2000; Puchner, 2006]). В современной филологии отмечается, что поэтичность может рассматриваться как фактор, во многом влияющий на выбор вектора эволюционирования жанров, их историческое изменение (см., например, [Шутёмова, 2013]). Кроме того, происходит и инверсионный процесс «политиза-

ции» художественно-литературных манифестов, детально описанный в работе О. В. Соколовой [2018]. Таким образом, радикальное преобразование жанра находит воплощение в формировании манифеста «нового поколения» – авангардного манифеста, в котором поэтичность тесно взаимодействует с «политичностью». Из этого следует, что своеобразие поэтичности и поэтики авангардного манифеста определяется, с одной стороны, аккумуляцией в нем «следовых явлений» предшествующих состояний интенсивно развивающегося жанра и вбиранием в себя элементов тех разновидностей текстов манифестарной природы, которые предшествовали его появлению (в частности, политического и художественно-литературного манифестов), что делает его произведением «синтетического» плана. С другой стороны, специфика поэтичности и поэтики авангардного манифеста связана с жанровыми новациями, появление которых обусловлено во многом идеологией, приоритетами и интересами самого авангарда, ориентированного на стирание границ между искусством и неискусством, на «преодоление традиционной родо-жанровой системы и создание нового художественного языка, способного трансформировать реальность» [Соколова, 2018; Зыкова, Соколова, 2019, с. 12], а также «решительно преобразовать действительность» (по выражению С. Р. Красицкого). Реализация последнего переводит манифест в особый литературный регистр, делая его в определенном смысле «жанром вне жанра». Вдобавок, по замечанию Ю. К. Герасимова, «множество целей и задач, стоящих перед авторами программных заявлений, глубокая перестройка всей жанровой системы русской словесности, в которую активно включились модернисты <...> вело к тому, что “жанр” манифеста и декларации утрачивал свою определенность» [Герасимов, 2017, с. 4–5].

3. Среди других факторов, определяющих уникальный характер поэтичности и поэтики авангардного манифеста, следует отдельно отметить заложенные в его создании **конкретные прагматические задачи и интенции**.

Авангардный манифест, по традиции нацеленный на активное противодействие общепринятому, характеризуется акцентированным перформативным началом, по сути делающим его самим действием или поведенческим жестом. Как указывает В. Поляков, в «манифестарной» деятельности представителей авангарда (футуристов, в частности) «дает о себе знать весьма характерная тенденция, при которой процесс создания художественного произведения постепенно уравновешивается в своих правах с процессом создания манифеста, а в отдельных случаях <...> и замещается им» [Поляков, 2007, с. 195]. В итоге одним из весомых результатов проявления перформативного начала авангардного манифеста становится преодоление «разрыва» (или границы) между постулируемыми теоретическими построениями и их практической реализацией (см., например, «Футуристический манифест» Ф. Т. Маринетти (1909), а также манифесты кубофутуристов). Авангардный манифест не только содержит теоретическое обоснование нового учения о мире и искусстве, но и практически являет его собой. По замечанию Л. Смирнова, манифесты – «не побочное умствование: это то содержание, которое они стремятся зафиксировать в произведении именно как жизнь, это и их быт, и акт художественного житнетворения одновременно» [Смирнов, 1989, с. 113]. Кроме того, в авангардном манифесте в качестве первичной ставится задача «сотворения» актуального коммуникативного события, а также задача оказания воздействия на восприятие адресата с целью поразить, вызвать мгновенную реакцию, быстро и динамично «перестроить» сознание читателя, сформировать у него но-

вые эстетические идеалы, ценности и воззрения. В манифесте реализуется авангардистская тенденция «культивировать провокативную стратегию “ударного”, экстатического, эпатажного письма, “акции” которого состоят в преодолении косного, инертного “не-я”» [Тюпа, 2008, с. 140].

4. Такого рода прагматика авангардного манифеста обуславливает привлечение для его построения соответствующего **арсенала лингвистических средств и избрания определенных** (художественных, лингвокогнитивных, лингвостилистических и проч.) **приемов**, наделяющих его поэтичность и поэтику конкретными отличительными особенностями. Так, И. Н. Карасик отмечает, что, к примеру, «“левый” манифест значим не столько как конкретное содержание (сумма идей), сколько как жанровая форма со своими лексическими, ритмическими, интонационно-психологическими закономерностями, со своими обязательными смысловыми и фразеологическими клише» [Карасик, 2000, с. 132]. Для создания новой художественной и языковой реальности, деактуализации существующего канона и перестройки существующей системы представители авангарда прибегают к разного рода приемам и стратегиям построения и организации текста авангардного манифеста, рассчитанным преимущественно на массовую психологию. В современной научной литературе отмечается использование с определенной закономерностью и частотой в текстах манифестов конкретных *художественных и лингвостилистических приемов и методов, риторических фигур и тропов* (в особенности, абсурда, алогизма, эпатажа, пародии, гротеска, деавтоматизации восприятия, анаграммы, антитезы, иронии, разного рода метафор и метонимий, сравнений и др.), *цитат и реминисценций, специфических фонетических, лексических, лексико-грамматических и синтаксических средств* (например, архаизмов, неологизмов, инфинитивов, составных существительных, дейктических средств, прямых обращений, восклицательных предложений и др.), которые определенным образом **квалифицируют и типологизируют поэтику авангардного манифеста и его поэтичность** (подробнее об этом см.: [АК, 2010; Васильев, 2000; Григорьев, 2000; Кобринский, 2013; ПиЖ, 2000; Поляков, 2007; Зыкова, Соколова, 2019]). При анализе текстовых и дискурсивных особенностей авангардного манифеста исследователи также уделяют значительное внимание разработке и применению в них собственно авангардных приемов и новых, авангардных лексических (лексико-грамматических) категорий, таких, в частности, как «остранение», «сдвиг», «ноль-форма», «внутреннее склонение», «заумь», «<поэтика> ошибки», «загадки» (о загадке как категории поэтики русского футуризма в форме анаграмматизации см. в [Hansen-Love, 1996; Comins-Richmond, 1996]). Так, Ю. Н. Гирин указывает на то, что «авангард на равных основаниях сопрягает актуализированную архаику с лубочной стилистикой “третьей культуры”, а ассимилированную классику – с неостывшими неологизмами и речетворчеством: все это были проявления одного и того же основного приема “сдвигологической” поэтики» [Гирин, 2010б, с. 45].

* * *

Анализ разных факторов, определяющих уникальный или своеобразный характер поэтики и поэтичности авангардного манифеста, позволяет установить актуальные проблемные зоны и поднимает вопросы, релевантные в общетеоретическом и общеметодологическом плане.

Следует признать, что на сегодняшний день не до конца изученным остается вопрос об отдельных составляющих поэтики авангардного манифеста, делающих его особым объектом лингвистического анализа. В связи с этим на первый план выходит вопрос о **ключевых типологизирующих конститутивных элементах структуры поэтики авангардного манифеста**. Под такого рода элементами в нашем исследовании понимаются языковые средства и/или языковые категории построения поэтики авангардного манифеста, **наиболее релевантные** как с концептуальной или идеологической позиции (т. е. с позиции отражения идеологии / концепции авангарда, отдельных его направлений и течений), так и с практической позиции (т. е. с позиции непосредственного использования в авангардных произведениях), и позволяющие квалифицировать авангардный манифест как манифест нового типа. Мы выдвигаем предположение о том, что к такого рода языковым средствам можно отнести **идиоматические средства** – своеобразные, особо выразительные единицы языка, возникающие как результат языкового творчества и языкового экспериментирования авторов – представителей отдельных направлений авангарда, в котором они следуют определенным лингвоэстетическим канонам.

Постановка данного вопроса влечет за собой и другой важный вопрос. Это вопрос о **методах выявления и изучения ключевых конститутивных языковых элементов поэтики авангардного манифеста**, идиоматических средств в частности.

С целью рассмотрения отмеченных вопросов мы обращаемся к изучению авангардного манифеста «Новые пути слова (язык будущего смерть символизму)». Остановимся отдельно на критериях его выбора и его особенностях.

«Новые пути слова»: об отнесенности к жанру «манифест», месте в (кубо)футуризме и характерных чертах

«Новые пути слова (язык будущего смерть символизму)» представляет собой программно-теоретический текст-манифест Алексея Крученых, который впервые был издан в Санкт-Петербурге в 1913 г. в книге «Трое», объединяющей под одной обложкой прозаические и поэтические произведения В. Хлебникова, А. Е. Крученых и Е. Г. Гуро.

Следует отметить, что отнесенность того или иного программного или программно-теоретического текста представителей авангарда (разных его направлений и течений) к жанру манифеста является не всегда очевидной, а в ряде случаев и дискуссионной. Это обусловлено рядом причин и имеет формальные проявления.

Общая тенденция к перестройке системы художественных жанров и устремленность авангарда на «размывание» родо-жанровых границ выражаются в первую очередь в фактах терминологического варьирования или отсутствия специального термина, маркирующего отнесенность того или иного текста к жанру «манифест», на уровне заголовка.

Заголовки текстов, схожих по своим прагматическим и дискурсивным задачам, могут содержать не только слово «манифест», но и аналогичные (или близкие) термины, что является показателем терминологического варьирования. Убедиться в этом можно при сравнении названий, к примеру, следующих текстов: «MV. Многовая поэзия. Манифест всѣчества» (И. Зданевич; ср. также с названием

«Вторая грамота всѣчества»), «Грамота» (Н. Асеев, С. Бобров, И. Зданевич, Б. Пастернак), «Манифест ОБЕРИУ» (Д. Хармс), «Декларация эмоционализма» (М. Кузмин), «Листовка “Союза молодежи”» (О. Розанова), «Воззвание председателей Земного шара» (В. Хлебников), «Открытое письмо М. М. Россиянскому» (В. Шершеневич). Факт такого терминологического варьирования можно интерпретировать по-разному, находя объяснения как сугубо формального, так и более комплексного (концептуального или идеологического) характера. Это можно, к примеру, объяснить стремлением использовать более распространенный в русском языке (или исконно русский) термин или намеренным, целенаправленным акцентированием «отличности» данного текста от подобного рода текстов других авангардных отечественных и зарубежных течений посредством выбора того или иного термина.

Кроме того, существуют тексты, в заголовках которых отсутствует слово «манифест» и подобные ему термины, а также тексты без заголовков или с образными заголовками (например, «Груба марсиан»), что может рассматриваться как стремление нейтрализовать их жанровую маркированность. Данные тексты с учетом их специфики могут квалифицироваться, в частности, как статьи, комментарии, обзоры, эссе, доклады и т. п. При этом своей ориентированностью на разработку и пропагандирование эстетических принципов нового искусства (искусства слова в частности), общим целеполаганием – представить новую концепцию в области художественного творчества и предложить программу действий по ее реализации, а также по совокупности своих прагматических, дискурсивных и лингвистических характерных особенностей некоторые из них попадают под определение «манифестарных текстов» («манифестов») и могут быть отнесены к таковым. В число таких текстов входит программно-теоретическая работа «Новые пути слова», а также многие другие произведения кубофутуристов, как, например, «Наша основа» (В. Хлебников), «Капля дегтя» (В. Маяковский), «Воскрешение слова» (В. Шкловский). Следовательно, несмотря на отсутствие специального терминологического маркера, эксплицирующего на уровне заголовка отнесенность данных текстов к жанру «манифест», они по сути (или по целому ряду параметров) являются манифестами².

Особый интерес анализируемый манифест вызывает по ряду причин, среди которых одной из первых следует, пожалуй, назвать его автора. Не ставя задачи подробного рассмотрения личности Алексея Крученых и его деятельности (об этом написано много работ), обратим внимание лишь на отдельные релевантные для исследования данного манифеста и общеизвестные факты. Прежде всего, Крученых являлся одним из ведущих представителей кубофутуризма. По выражению С. Р. Красицкого, «Алексей Крученых – одна из ключевых фигур и, пожалуй, самый последовательный в своих радикальных устремлениях деятель русского авангарда» [Красицкий, 2001, с. 5]. С. Е. Бирюков указывает на то, что, «будучи поэтом и художником и при этом обладая органическим талантом, сильно развитой интуицией, он мгновенно схватывал носящиеся в воздухе идеи и также мгновенно воплощал их»; «Крученых во многом был импульсом нового искусства» [Бирюков, 2001, с. 101]. Как отмечается в современной научной литературе, деятельность Крученых характеризуется особой активностью, значительной лите-

---

² См. также: Казарновский П. А. Заумь // Энциклопедия русского авангарда. URL: <http://rusavangard.ru/online/history/zaum/> (дата обращения 11.01.2019).

ратурной продуктивностью, крайней степенью приверженности идеям футуризма (несмотря на их развитие со временем в нескольких проекциях), введением и / или разработкой стержневых футуристических (художественно-лингвофилософских) понятий, среди которых «заумь», «мирсконца», «фактура», «сдвиг» и др. Так, по мнению Казимира Малевича, Крученых был «альфой заумного». Согласно С. Р. Красицкому, сегодня «становится очевидным не только самодостаточный характер поэтических экспериментов Крученых как историко-культурного явления определенного периода, периода классического русского авангарда, но и безусловно перспективный, а в чем-то и провидческий характер его деятельности» [Красицкий, 2001, с. 6–7]. Благодаря указанному, а также и другим заслугам автора многие из его манифестов занимают центральное положение в (кубо)футуризме и обретают в нем статус основополагающих работ, среди которых и манифест «Новые пути слова». В данном манифесте четко прослеживаются контуры литературной позиции его автора, имманентные черты его творческого подхода и творческого кредо.

Помимо этого, важно учитывать и хронологический аспект рассматриваемого манифеста. Как известно, 1913 год (а также первая половина 1914 года) – это время расцвета кубофутуризма, период активизации и мобилизации творческих усилий кубофутуристов в разработке новейших методологических принципов «творения» и развития искусства и литературы как искусства слова, а также жизнотворчества в контексте реалий, культурных фактов, социальных событий, научных и технологических достижений, возникших именно на рубеже XIX–XX вв. Это время (в известной мере) творческой консолидации по утверждению новейшего художественного – авангардного – направления. Манифест «Новые пути слова» вбирает в себя свойства «создавшей» его эпохи открываемых новых (в том числе «запредельных») художественных возможностей и новой идеологии в искусстве, определяемой таким авангардным направлением, как (кубо)футуризм. Характеризуя то время, Н. А. Бердяев писал: «Искусство судорожно стремится выйти за свои пределы. Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его. Никогда еще так остро не стояла проблема отношения искусства и жизни, творчества и бытия, никогда еще не было такой жажды перейти от творчества произведений искусства к творчеству самой жизни, новой жизни» [Бердяев, 1918, с. 3].

При рассмотрении вклада манифеста «Новые пути слова» в создание теоретико-методологической платформы (кубо)футуризма (авангарда в целом) в фокусе внимания оказывается и его тематическо-содержательная направленность, эксплицитно выраженная в самом названии. Манифест посвящен вопросу о слове, т. е. вопросу, выдвигаемому кубофутуристами в качестве главного на первый план. По замечанию С. Р. Красицкого, «футуристы поставили слово в ряд других материальных явлений действительности, приравняли его к вещи, на которую можно воздействовать, которую можно изменять, деформировать, перedefинировать по своему желанию и разумению. И футуристы с их решительным желанием переустройства мира, энергично взялись за слово» [Красицкий, 2001, с. 16]. Основным методом обогащения литературы новейшими необычными (непривычными, причудливыми) выразительными средствами становится языковой эксперимент, направленный на «словоновшество», т. е. на формирование кардинально нового понимания языка, на новаторское (инновационное) использование креативного потенциала языковой системы, и применяемый на всех уровнях языка (фонетиче-

ском, морфологическом, синтаксическом, лексическом и т. д.). В манифесте «Новые пути слова» критическая оценка существующих подходов и устоявшихся практик дается на фоне постановки определенных эстетических задач и изложения соответствующих им концептуальных решений; предлагается набор конкретных приемов обновления языка как собственно «художественного объекта» и как средства создания новейшей литературы.

Следует также отметить ряд наиболее общих структурно-композиционных особенностей текста анализируемого манифеста. Манифест «Новые пути слова» имеет организацию, в которой отражаются новации, внедряемые авангардистами (в частности кубофутуристами) в жанр манифеста и преобразующие его, способствуя развитию собственных отличительных черт авангардного манифеста как манифеста нового типа. Композиционно текст рассматриваемого манифеста строится в виде последовательного перечисления положений, представляющих собой как (резко) критические высказывания или обличительные замечания, так и категорично утверждаемые программные теоретические положения (или тезисы). Данные структуроформирующие компоненты текста разнородны. Среди них можно выделить те, которые являются законченными предложениями (тезисами), каждое из которых (реже несколько) составляет отдельную строку или отдельный абзац, что соответствует специфике организации прозаического (в частности, научного) текста (например, *Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, замумный и вселенский*). При этом предложения являются преимущественно развернутыми или сложными, имеют сложносочиненную или сложноподчиненную структуру (ср., например: *Через мысль или художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению vs Мы серьезны и торжественны, а не разрушительно-грубы... vs Не увлекайтесь подражанием иностранному*). Другие положения представляют собой незаконченные или «разбитые» на части предложения, причем каждая часть может составлять несколько нижеследующих отдельных строк или отдельных абзацев, что имитирует в некотором роде организацию поэтического текста со свойственной ему графикой, особой ритмикой и смысловым акцентированием (например, *были жалкие попытки рабской мысли воссоздать свой быт, философию и психологию (что называлось романами, повестями, поэмами и пр.), были стихи для всякого домашнего и семейного употребления, но / искусства слова / не было*). Характеризующая данный манифест общая риторика перформатива проявляется в частности в том, что некоторые из положений носят характер лозунгового призыва к определенному действию или, напротив, запрета на определенное действие, а также прямых угроз оппонентам, которые свойственны полемическим текстам политической направленности. Кроме того, перформативность выражается посредством прямых обращений к читателю, под которыми подразумеваются преимущественно литераторы и писатели (современники и классики), создания за счет этого эффекта непосредственного диалога или своего рода «виртуального» общения с ними (как бы преодолевая существующими между ними временные границы) на базе приведения цитаций, реминисценций и их комментирования как актуальных «сейчас» (например, *трижды правы!* [ответ на приведенные цитаты Фета и Тютчева]; *Оригинально!* [оценочный комментарий к описываемой ситуации с «молодцами из “Мишени”»]). Примечателен также и объем текста анализируемого манифеста, который обусловлен значительным количеством составляющих его положений, образующих строки / абзацы разной длины, часть из которых сопровождается

иллюстративными примерами. Последний факт, наряду с примененными в нем особыми (экспериментальными) принципами его построения и другими новациями не только композиционного характера (в основе которых разного рода деформации, отклонения от нормы, нарушения, например, в пунктуации, сочетаемости), свидетельствует о еще одной важной характерной черте. В данном манифесте выдвигаемые положения не только выступают как абстрактные теоретические конструкты, но и находят наглядное практическое применение и воплощение в самом тексте, являют результат провозглашаемого лингвистического экспериментирования посредством самого текста.

С учетом отмеченных особенностей и черт, характеризующих манифест «Новые пути слова», представляется возможным рассматривать его как своего рода «**прототип**» (или «**наиболее репрезентативный образец**») авангардного манифеста раннего периода. Признание его в таком статусе служит весомым основанием для выбора данного манифеста для изучения специфики формирования поэтики авангардных манифестов в общетеоретическом и общеметодологическом ракурсе.

Методология и результаты исследования поэтики манифеста «Новые пути слова»

Следует отметить, что анализ поэтики авангардного манифеста «Новые пути слова» проводился на базе текста, переизданного в 2017 г. в книге «Литературные манифесты и декларации русского модернизма» (с. 724–733).

Под **поэтикой авангардного манифеста** нами понимается комплексное явление, охватывающее собой *разного рода принципы, приемы и средства*, которые формируют и представляют *новую (новейшую) систему эстетической выразительности* и использование которых направлено на реализацию в авангардном манифесте такой его типологической черты и такой категории, как *поэтичность*, обуславливающей создание многомерной художественной структуры текста, его художественной архитектоники и способствующей достижению наилучшей передачи, наилучшего раскрытия разрабатываемой концепции определенного авангардного течения (или авангардного направления, авангардного автора). С учетом лингвистической направленности настоящего исследования основное внимание уделяется изучению именно языкового субстрата авангардного манифеста «Новые пути слова», составляющего основу создания его поэтики, и выявлению тех ключевых конститутивных языковых средств и лингвокогнитивных приемов, которые определяют ее специфику.

Изучение языкового субстрата проходило в несколько этапов, на каждом из которых применялся конкретный метод анализа. Опишем кратко эти методы и цель их использования.

Методология исследования

Настоящее исследование базируется на когнитивном подходе и применении ряда методов когнитивного анализа. Этими методами являются метод фреймовых семантик, метод идентификационной карты (ID card) авангардной идиоматики, метод лингвокультурологической реконструкции концептуальных оснований значений образных языковых средств.

Метод фреймовых семантик хорошо известен и описан в современной лингвистической литературе. В основе метода лежат научные представления о фрейме, разработанные прежде всего в работах М. Минского и Ч. Филлмора и получившие в настоящее время широкое распространение, применение и дальнейшее развитие в работах современных исследователей. С точки зрения Е. Г. Беляевской, изучение дискурса или текста с позиции его фреймовой структуры является одним из перспективных направлений. В частности, автор подчеркивает, что «обращение к фреймовым основаниям дискурса создает **объективные основания для изучения индивидуального и общего в выборе слов и словосочетаний в процессе коммуникации** (выделено автором. – И. З.), где основой методики анализа было бы сопоставление одинаковых в смысловом отношении коммуникативных блоков» [Беляевская, 2018, с. 349]. Кроме того, Е. Г. Беляевская обращает внимание на то, что «можно выявить более широкий круг языковых явлений, реализующих поэтическую функцию в прозаическом дискурсе, если в ходе анализа обратиться к фреймовым структурам, позволяющим учесть знание человека о мире и связанные с этим ассоциации...» [Беляевская, 2019]. В настоящем исследовании метод фреймовых семантик используется для извлечения из анализируемого текста всех языковых средств, которые передают центральные идеи манифеста «Новые пути слова», или, иначе говоря, формируют основные (стержневые) звенья его фреймовой структуры.

Метод идентификационной карты авангардных идиом, или метод «ID card авангардной идиомы», представляет собой способ проверки прежде всего образных единиц с разными тропеическими основаниями и специфических языковых новообразований, которые создаются и используются в авангардном дискурсе, на соответствие статусу авангардной идиомы и принадлежности к классу авангардной идиоматики (подробнее об этом см.: [Зыкова, 2018]). Общая идентификационная карта представляет собой список из 15 категориальных признаков: *неоднословность, образность, (субъективно) осязаемое своеобразие, непрозрачность, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде, раздельнооформленность, выразительность, усложненный способ указания на денотат, абстракция, (буквальная) непереводаемость на другие языки, алогичность, направленность на деавтоматизацию восприятия, афористичность и межсемиотичность*. Семь из данных категориальных признаков определяются как наиболее релевантные, или основные, доминантные, для идиоматики авангарда (подробнее об этом см.: [Зыкова, 2018; Зыкова, Соколова, 2019]). Это такие идиоматические признаки, как *(субъективно) осязаемое своеобразие, образность, выразительность* (или *экспрессивность*), *непрозрачность, алогичность, направленность на деавтоматизацию восприятия, межсемиотичность*. Метод «ID card авангардной идиомы» представляет собой анализ выявленной в авангардном дискурсе языковой единицы на предмет обладания ею отмеченными и прежде всего доминантными категориальными признаками. Составление в ходе анализа индивидуальной карты (ID card) той или иной языковой единицы позволяет идентифицировать или не идентифицировать ее как авангардную идиому. В нашем исследовании данный метод используется для верификации статуса отобранных по определенному принципу образных вербальных средств и специфических новообразований.

Метод лингвокультурологической реконструкции базируется на теории концептуальной метафоры (а также других приемов образной концептуализации)

и направлен на изучение глубинных (концептуальных) оснований значений образных средств языковой системы. В основе метода лежат представления о языковом значении как двухуровневом образовании, глубинный уровень которого в случае с образной единицей языковой системы представляет собой макрометафорическую концептуальную модель (подробнее об этом см.: [Зыкова, 2015; 2017]). Применение данного метода, результатом которого является определение макрометафорических концептуальных моделей, порождающих значения образных (идиоматических и фразеологических) единиц изучаемого манифеста, позволяет выявить специфику языковой концептуализации центральных идей в анализируемом манифесте и установить основной лингвокогнитивный прием как реализации жанровой категории поэтичности, так и организации и формирования поэтики данного манифеста.

Вдобавок, в исследовании используется и количественный анализ, состоящий в установлении количества употреблений образных единиц, в частности идиом и фразеологизмов. В настоящей работе данный анализ используется с целью выявления доли участия и частоты употребления разных языковых единиц (в особенности образных, а также специфических новообразований) в построении поэтики текста авангардного манифеста «Новые пути слова» и определения среди них его ключевых конститутивных элементов и конструктивных средств.

Перейдем к изложению полученных результатов.

Уровни анализа и полученные результаты

Отправной точкой исследования является анализ **заголовка текста манифеста**.

Как известно, тема манифеста, вынесенная в качестве его заголовка, указывает на то, что концептуализируется в данном тексте. Соответственно, тема – это идейное или концептуальное ядро текста манифеста. Она составляет основу его содержательного построения, определяет вектор конкретного смыслового развертывания и выбор соответствующих ему языковых средств объективации и лингвокогнитивных приемов. Анализ формулировки темы в заголовке позволяет вычленить **концептуальные доминанты структуры содержания манифеста**.

Изучение полного названия манифеста *Новые пути слова (язык будущего смерть символизму)* показывает, что в фокусе концептуализации находится несколько взаимосвязанных идей, выраженных соответствующими словосочетаниями: «новое в искусстве» и конкретнее – «новые пути» в словесном искусстве, «язык будущего», «смерть символизма». Под последним А. Крученых подразумевает девальвация, «упадок» и бесперспективность дальнейшего развития (или существования) конкретного художественного направления – символизма, зародившегося в конце XIX в. Актуализация данных идей предполагает по инференции актуализацию соответствующих им противоположных представлений – «старое в искусстве» и конкретнее – «старые пути» в словесном творчестве, «язык прошлого», «жизненный потенциал новейшего авангардного направления» начала XX в., под которым имеется в виду кубофутуризм. Из заложенной в заголовке трехчленной оппозиции ‘символизм – авангард – кубофутуризм’, поддерживаемой сложившимся на момент создания данного манифеста определенным культурно-историческим контекстом (1913 г.), вычленяются и акцентируются такие субцентральные идеи, как «война» или «борьба», «свои – чужие» и «движение (вперед)» (по внутренней форме термина *авангард*), а также идеи «будущее вре-

мя» и «строительство будущего или нового через деструкцию / деконструкцию прошлого или старого» (в соответствии с внутренней формой элементов *-футуризм* и *кубо-* термина *кубофутуризм*).

Выделение концептуальных доминант структуры содержания манифеста позволяет перейти на следующий уровень анализа, т. е. к анализу используемых для их объективации языковых средств и лингвокогнитивных приемов внутренней организации рассматриваемого текста.

Уровень фреймовой структуры текста. Посредством метода фреймовых семантик в тексте изучаемого манифеста осуществляется отбор всех языковых средств, выражающих установленные центральные идеи манифеста – «новое в искусстве» / «старое в искусстве», «новые пути» / «старые пути» в словесном искусстве, «язык будущего» / «язык прошлого», «смерть символизма» / «жизненная сила (кубо)футуризма», а также и субцентральные идеи – «борьба», «свои – чужие», «будущее (время)», «строительство будущего (нового) через деструкцию / деконструкцию прошлого (старого, обыденного, привычного)». В качестве семантических центров, вокруг которых происходит группирование языковых средств, выражающих ту или иную идею, выступают следующие языковые единицы:

- (субстантивированные) прилагательные и производные от них существительные – *новое* и *новый*, *новичок*, *новшество*, *неологизм*, например: *новые пути слова*, *новое слово*, *новая форма*, *новое постижение мира*, *новые сочетания слов*, *новая истина*, *новое измерение*, *новые способы изображения*, *истинная новизна*, *произвольное словоновшество*, *чистый неологизм*;

- языковые единицы с темпоральным значением – *будущее* и *будущий*, *современный* (а также *современность*), *первый*, *раньше* – *теперь*, *до*, например: *язык будущего*, *искатели будущего*, *баячи будущего*, *изображение будущего*, *современная жизнь*, *современная <стремительная> душа*, *современные баячи*, *современные живописцы*, *пароход современности*, *первые опыты*, *мы первые*.

- существительные *путь* и *движение*, глаголы движения, слова со значением траектории и скорости движения, местоположения, пространственных измерений и границ (пределов) – *прямой*, *стремительный*, *здесь* – *там*, *широкий*, *в*, *за*, *назад* и др., например: *коварные пути*, *изображения скрещивающихся путей*, *наш путь*, *давать движение*, *обратное движение*, *входить в вещи и явления*, *идти через мысль к слову*, *идти в авангарде*, *проходить мимо*, *гоняться за смыслом*, *прямая душа*, *стремительная душа*, *слово шире мысли*, *словесное искусство стояло ниже чем, со стороны мысли*, *следить мир с конца*, *подражатели обособняков*, *человек стоял не в центре мира, а за его перегородкой*, *обращать глаза назад*;

- прилагательные и производные от них существительные – *старый*, *прежний*, *бывший*, *до*, *всегда*, например: *старый мир*, *старая стена*, *художники прежние*, *бывшие пророки*, *до нас*, *как всегда*, *всегдашнее занятие*;

- существительные *жизнь* и *смерть*, а также лексика, описывающая состояния жизни и смерти, состояния нездоровья (физического, психологического), например: *давать окраску жизни*, *все живое надсознательное*, *пить «живую воду»*, *тайна жизни*, *алогичность жизни*, *«великие покойники»*, *символисты вымирают*, *внести смрадного покойника*, *вести к смерти жизни и искусства*, *мертвое бесцветное <слово>*, *мертвец на пиру*, *трусливые душонки*, *кислые символисты*, *недалекие символисты*, *безъязыкие «немцы»*, *порезать руки*;

- прилагательные **неправильный** и **неожиданный**, существительные **неправильность** и **неожиданность**, а также языковые единицы, несущее указание на производимое нарушение или деструкцию и особенность (необычность) создаваемого (созданного), например: *неправильная перспектива, неправильное построение предложений, неправильность в построении речи, неправильность – неожиданность – грамматическая, неправильность смысловая, неожиданность подъемом и спуском, неожиданность звуковая, неожиданное словообразование, неожиданность сравнения, расшатать грамматику и синтаксис, вносить беспорядок в построение предложений, рождать странные «бессмысленные» сочетания слов и букв, разбить убогое построение, речь то из одних гласных, то из согласных, разбросанность букв и слов, несогласов, диссонанс, не по правилам логики и грамматики, заумный язык, дать самую причудливую игру, говорить на многих иностранных языках до того им неизвестных;*

- языковые единицы, передающие отношения власти и (со)подчинения, зависимости, обозначающие социальное положение и взгляды, действия борьбы, расправы, противостояния, причинно-следственные связи объектов или явлений, например: *судьбы речетворчества, заниматься сыском, мы уподобились воинам, праздные неприятели, на потеху победителей и всего мира, гробокопатели, душители молодого и живого, взяться за оружие, отравлять воздух, итальянские «забавляющиеся» футуристы, войну и драку смешивать с творчеством, «бытовики», «классики», «идеалисты», идти на промысел, оскорбленные слова, рабская мысль, слово в кандалах, сводить счеты, подчиненность <слова> смыслу, утопить в «ложке воды», «мысль диктует законы слову, а не наоборот», русские сектанты, не страшны нам такие воины, овладеть материалом;*

- языковые единицы с посессивным значением – притяжательные местоимения **мой, наши, их, свой**, прилагательные – **собственный, родной, русский, иностранный, вселенский** и др., например: *трансцендентное во мне и мое, наша речь, наши приемы, своя родина, своя собственная новая истина, великодушное свое, родные слова, русская баячь, подражание иностранному, иностранные слова, заимствовать у немцев, свободное слово, всеобщий язык, вселенское слово;*

- аспектные глаголы начала и конца действия – *начинать, становиться*, а также глаголы результата действия, например: *начинает образовываться, мы стали видеть, мы стали видеть, мы рассекли объект.*

Приведем несколько контекстов употребления отмеченных выше языковых единиц:

- (1) *любят наши критики сводить счеты или заниматься политическим да семейным сыском и всегда оставляют вопросы слова в стороне* (с. 724);
- (2) *Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах, является его подчиненность смыслу* (с. 725);
- (3) *Мы первые сказали, что для изображения нового и будущего нужны совершенно новые слова и новые сочетания их* (с. 727).

В целом анализ выделенных языковых единиц, репрезентирующих определенную фрейм-группу (фреймовый кластер), позволяет выявить тесную взаимосвязь передаваемых центральных и субцентральных идей, в которой отражается сложность и многомерность целостной фреймовой структуры текста рассматриваемого

манифеста. Согласно проведенному исследованию, данные языковые средства представляют собой преимущественно словосочетания с тропической основой (ср., например: *входить в вещи и явления, тягучее повествование, прямая душа, гоняться за смыслом, замечать следы, вносить беспорядок*), а также специфические лексические новации (например, *дыр бул щыл*). Этот факт обуславливает следующий шаг в исследовании, состоящий в необходимости установлении статуса отобранных лексических средств, в частности, верификации их отнесенности к идиоматике или фразеологии.

Уровень образно-выразительных средств текста. Изучение используемых в тексте манифеста образных словосочетаний и специфических выражений приводит к выявлению единиц, которые традиционно относятся к фразеологии (в широком понимании). В ходе исследования было установлено 47 фразеологических единиц, среди которых можно выделить идиомы-термины (например, *словесное искусство, земное притяжение, пути сообщения, родная речь*), общеязыковые идиомы (например, *пускать по миру, сводить счеты, перед носом, утопить в ложке воды, замечать следы*), коллокации (например, *давать советы, добрый совет, иметь дело, со стороны, куца мысль*), паремии (например, *у семи нянек дитя без глазу*), а также прецедентные феномены (например, *честный дядя, безъязыкие «немцы», «Мысль изреченная есть ложь»*).

Так называемые «традиционные» фразеологизмы употребляются в тексте манифеста как в узуальной, так и в модифицированной форме. Например, коллокация *иметь дело с кем-либо* употребляется в узуальной форме в следующем контексте:

- (4) *Искусство же может иметь дело лишь с живым, до покойников ему нет заботы!* (с. 726);

паремия *у семи нянек дитя без глазу* и идиома библейского происхождения *блудный сын* экспериментально модифицируются в тексте следующим образом:

- (5) *Когда хилому и бледному человечку захотелось освежить свою душу соприкосновением с сильно-корявыми богами Африки, <...> то семь нянюшек сразу завопили и стараются охранить заблудшее дитя <...>* (с. 730).

Анализ остальных образных средств, а также специфических лексических новаций осуществлялся посредством метода идентификационной карты авангардной идиоматики (или метода «ID card авангардной идиомы»).

В результате проведенного исследования было установлено около 35 единиц, которые можно квалифицировать как собственно авангардные идиомы, например: *русская баячь, заумное слово, пароход современности, Мирсконца, язык будущего, смертнирь-лобзаль, дыр бул щыл*. Выявленные в рассматриваемом манифесте авангардные идиомы представляют собой в подавляющем большинстве случаев языковые единицы со структурой словосочетания, а также (реже) со структурой слова и предложения. Как показал анализ, данные языковые единицы обладают разной степенью интенсивности проявления категориальных признаков идиоматики авангарда. Сравним в качестве примера основные идиоматические признаки индивидуальных ID card двух авангардных идиом (*следить мир с конца* и *баячи будущего*) с использованием пятиступенчатой шкалы оценки (см. таблицу).

Сопоставление специфики проявления
категориальных признаков авангардных идиом
Comparative Analysis of Categorical Properties' Manifestation
in the Avant-Garde Idioms

Категориальный признак	Авангардные идиомы	
	<i>следить мир с конца</i> (‘следовать принципу обратного движения в постижении мира, познании и понимании сути его объектов и явлений, происходящих в нем событий’)	<i>баячи будущего</i> (‘поэты-новаторы, реализующие в своем творчестве авангардные принципы и установки (кубо)футуризма’)
(Субъективно) оощуае- мое своеобразие	++	+++
Образность	+++	+
Непрозрачность	+	++
Алогичность	++++	+
Выразительность	+++	++
Направленность на деавтоматизацию восприятия	++	+++

Проведенный анализ показал, что с функциональной и содержательной точек зрения, а также с учетом степени интенсивности проявления категориальных идиоматических признаков можно выделить несколько основных типов авангардных идиом.

Это прежде всего **авангардные идиомы-термины**, например, *новое измерение, новое слово, язык будущего*. Отличительными особенностями авангардных идиом-терминов являются их воспроизводимость и частотность употребления не только в тексте данного манифеста, но и в текстах других авангардных манифестов, а также воплощение в них наиболее важных теоретических идей кубофутуризма и, соответственно, их (узко)специализированная семантика. К примеру, авангардную идиому-термин *новое слово* можно интерпретировать не столько как ‘слово, созданное впервые, не существовавшее ранее в общезыковом обиходе’, сколько как ‘слово (поэтическое), впервые созданное по новым эстетическим канонам и обладающее набором конкретных новых свойств, отвечающее благодаря этим свойствам новейшим условиям развития жизни, общества и искусства’.

Кроме этого, в изучаемом манифесте можно выделить такие типы авангардных идиом, как: **авангардные идиомы-экспрессымы**, которые направлены не столько на передачу ключевых идей авангарда, сколько на выражение чувствотношения к описываемому явлению (например, *не язык, а жалкий евнух*), а также идиомы, которые приводятся автором манифеста в качестве наглядного примера к той или иной разрабатываемой идее, касающейся языкового эксперимен-

тирования (например, *рыданственный желел, дыр бул щыл*) и которые можно квалифицировать как **авангардные идиомы-эксперименты**.

Отдельного внимания заслуживают идиомы афористического характера со структурой предложения, к которым можно отнести такое высказывание, как: *Ибо если художник бессилён значит он не овладел материалом!* Последний тип идиом определяются нами как **авангардные паремии**.

Таким образом, в результате анализа текста манифеста «Новые пути слова» было обнаружено **82** языковых единицы, относящихся к идиоматике авангарда. Эти данные ставят вопрос о количественном соотношении такого рода единиц с общим числом языковых средств, используемых для создания текста манифеста, его поэтики в частности, что обуславливает переход к следующему этапу исследования.

Уровень квантитативного анализа идиоматики авангарда. Согласно анализу, текст манифеста состоит из 2 146 слов; из них 158 представляют собой концептуально релевантные языковые единицы, подавляющее большинство из которых являются образными словами и выражениями, а также специфическими (особо выразительными) лексическими новациями. Среди них, в свою очередь, выделяются 82 языковые единицы – собственно авангардные идиомы (35 единиц) и «традиционные» фразеологизмы (47 единиц), которые совокупно представляют идиоматику авангарда. Таким образом, доля участия авангардной идиоматики определяется как 52 % от общего объема концептуально значимых вербальных образно-выразительных средств, используемых для передачи наиболее важных идей, теоретических положений, наиболее важной в концептуальном плане информации в манифесте «Новые пути слова». Этот установленный в исследовании факт позволяет заключить, что **авангардные идиомы** (в широком смысле) **являются ключевыми конструктивными элементами, ключевыми художественными средствами** построения поэтики авангардного манифеста «Новые пути слова» как манифеста нового типа и вместе с тем типичного «представителя» своего жанра. Следующим шагом в исследовании является обращение к изучению глубинного, концептуального основания их значения.

Уровень значения единиц идиоматики авангарда. Исследование значений выявленных авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов посредством метода лингвокультурологического моделирования показало, что их концептуальными основаниями являются несколько макрометафорических концептуальных моделей. Это модели *ПУТЕШЕСТВИЯ, ремесла, промысла, Игры* (в частности, *войны*), *социальной деятельности, гастрономического процесса, медицины, коммерческой деятельности, религиозной деятельности*. Согласно результатам анализа, данные модели характеризуются разным креативным потенциалом (подробнее о способах анализа креативного потенциала образных языковых единиц см.: [Зыкова, 2015]). Наибольшее количество собственно авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов, участвующих в создании текста манифеста «Новые пути слова» продуцируется макрометафорическими концептуальными моделями *ПУТЕШЕСТВИЯ, ремесла, социальной деятельности* и *Игры* (в частности, *войны*). Приведем примеры.

На базе макрометафорической концептуальной модели *ПУТЕШЕСТВИЯ* образы авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов создаются через ряд коррелирующих представлений о пространстве, перемещении в пространстве,

направлении и скорости, местоположении, средствах передвижения, пределах движения, расстоянии и проч. Данная модель лежит в основе значения таких, к примеру, единиц идиоматики авангарда, как *пароход современности, новые пути слова, блудный сын* (в модификации *зablудшее дитя*), *в стороне, стремительная душа, земное притяжение, пускать по миру, заумный язык* («за» + «ум»), *выбирать <какой-либо> путь*.

Благодаря макрометафорической концептуальной модели **СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** источником идиоматической или фразеологической концептуализации выступают различные взаимообусловленные представления об иерархической структуре общества, родственных отношениях, гендерных ролях, национальной принадлежности, определенных профессиональных группах, родах и видах социальной деятельности (в частности, преступной деятельности). Среди авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов с образами, основанными на этой модели, можно отметить *судьи речетворчества, не язык, а жалкий евнух, русская баячь, свободный язык, всеобщий язык, родная речь, у семи нянек дитя без глаза, (быть) в кандалах, честный дядя, безъязыкие «немцы», вносить беспорядок во что-либо*.

Проведенное исследование позволяет в итоге заключить, что множество используемых специфических новообразований, авангардных идиом и «традиционных» фразеологизмов, разнообразие и многообразие их образных основ, источником которых выступают гетерогенные концептуальные основания, т. е. макрометафорические концептуальные модели, создают эффект **концептуально-метафорического коллажа**, который, как нам видится, можно считать одним из **ведущих лингвокогнитивных приемов создания поэтики авангардного манифеста**, а также **основным лингвокогнитивным принципом ее внутренней организации**. Благодаря ему текст манифеста «Новые пути слова» становится многомерным, концептуально «объемным», образно насыщенным и колоритным. Концептуально-метафорический коллаж – это «интерактивный» синтез образно-выразительных языковых средств (точнее, идиоматических и фразеологических единиц, специфической неологии), осуществляемый в процессе создания текста. Этот «синтез» достигается «наслоением», «наложением» нескольких гетерогенных макрометафорических концептуальных моделей как отдельных когнитивных микросистем, которые продуцируют значения указанных языковых средств и способствуют воплощению в их формах определенной лингвозстетики. Таким образом, **концептуально-метафорический коллаж представляет собой способ, посредством которого формируются как фреймовая структура текста манифеста, так и многослойная глубинная основа его поэтики**. Его применение позволяет достичь особой языковой выразительности излагаемых в исследуемом авангардном манифесте идей и разрабатываемых положений, оптимизировать и усилить такое жанрово-типологическое свойство авангардного манифеста, как поэтичность.

Заключение

В настоящей работе поэтичность авангардного манифеста рассматривалась как имманентная черта и исторически сложившаяся категория жанра «манифест», реализующаяся в формировании его особой поэтики.

В ходе исследования были проанализированы факторы, наделяющие поэтику авангардного манифеста и его поэтичность уникальным характером. Согласно полученным данным, эта уникальность обеспечивается самим феноменом авангарда, генезисом и особенностями исторического становления жанра манифеста, прагматическими задачами авангардного манифеста как манифеста нового типа, обуславливающими использование соответствующих им (задачам) языковых средств и художественных, лингвокогнитивных, лингвостилистических приемов. В процессе изучения было разработано рабочее определение поэтики авангардного манифеста (шире – авангардного дискурса).

На материале манифеста Алексея Крученых «Новые пути слова (язык будущего смерть символизму)», рассматриваемого по ряду критериев в качестве «прототипа» авангардного манифеста, получившего в начале XX в. новый вектор интенсивного развития в отечественной культуре благодаря разным течениям авангарда (в особенности, кубофутуризму), была разработана методология многоуровневого анализа поэтики манифеста данного типа. Было выделено пять взаимообусловленных уровней анализа авангардного манифеста, на каждом из которых применяется конкретный метод анализа:

1) уровень заголовка авангардного манифеста с использованием интерпретационного анализа, позволяющего установить концептуальные доминанты структуры содержания текста манифеста;

2) уровень фреймовой структуры текста манифеста, на котором применяется метод фреймовых семантик с целью выявления наиболее релевантных в концептуальном и практическом плане языковых единиц;

3) уровень образно-выразительных средств текста авангардного манифеста с использованием метода «ID card авангардной идиомы» для выявления всех единиц, относящихся к идиоматике авангарда;

4) уровень количественного анализа идиоматики авангарда, направленного на выявление доли участия идиоматики авангарда в формировании поэтики исследуемого авангардного текста;

5) уровень семантики единиц идиоматики авангарда, изучаемой посредством метода лингвокультурологической реконструкции с целью определения ведущего лингвокогнитивного приема и основного лингвокогнитивного принципа создания и организации поэтики авангардного манифеста.

Результаты, полученные с помощью предлагаемой методологии, позволяют убедиться в том, что ключевыми типологизирующими конститутивными элементами структуры поэтики авангардного манифеста можно считать **идиоматику авангарда**. Согласно анализу, она включает в себя как собственно авангардные идиомы разных типов, так и «традиционные» фразеологизмы (в широком понимании), функционирующие в узуальных и экспериментально модифицированных формах. Как представляется, идиоматика авангарда является не только важнейшей составляющей поэтики авангардного манифеста, но и **средством воплощения эстетики футуристической поэтики**. Как показало проведенное исследование, одним из ведущих лингвокогнитивных приемов и принципов ее создания является **концептуально-метафорический коллаж**. Есть основания полагать, что данный прием, а также принцип является общим (или универсальным) для поэтики авангардного дискурса в целом.

Список литературы

- АК – Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / [Под ред. Ю. Н. Гирина]. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
- Беляевская Е. Г. Типология фреймов в конструировании языковой системы и дискурса // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 34. С. 346–349.
- Беляевская Е. Г. Поэтика художественной прозы: в поисках скрытых смыслов // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 146–157.
- Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918.
- Бирюков С. Е. Поэзия русского авангарда. М.: Лит.-изд. агентство Р. Элинина, 2001.
- Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Герасимов Ю. К. От редактора // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 3–6.
- Гирин Ю. Н. Введение // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / [Под ред. Ю. Н. Гирина]. М.: ИМЛИ РАН, 2010а. С. 3–6.
- Гирин Ю. Н. Проблема авангарда: содержание, границы, понятийный аппарат // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / [Под ред. Ю. Н. Гирина]. М.: ИМЛИ РАН, 2010б. С. 34–76.
- Григорьев В. П. Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015.
- Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
- Зыкова И. В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 35. С. 210–219.
- Зыкова И. В., Соколова О. В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.
- Карасик И. Н. Манифест в культуре русского авангарда // Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха, Д. В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 129–138.
- Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб.: Свое издательство, 2013.
- Красицкий С. Р. О Крученых // Алексей Крученых. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. С. Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5–40.
- ПиЖ – Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха, Д. В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Поляков В. В. Книги русского кубофутуризма. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гилея, 2007.
- Смирнов Л. Год Малевича // Наше наследие. 1989. Вып. 2. С. 113–117.
- Соколова О. В. Авангардный манифест: между поэтической и политической революцией // Сборник Матице српске за славистику. 2018. № 93. С. 217–229.

Тюпа В. И. Неклассическая художественность // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. научный ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной I, 2008. С. 139–141.

Шутёмова Н. В. «Поэтичность» и «литературный жанр»: к вопросу о соотношении понятий // Вестник Перм. ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 107–113.

Эйхенгольц М. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

Althusser L. Machiavelli and Us. London, New York: Penguin, 2000.

Comins-Richmond W. Kruchenyx's Maloxolija v kapote: The Ana-grammatization of Literature // Russian Literature. 1996. Vol. 39, № 1. P. 1–12.

Hansen-Löve A. Die antiapokaliptische Utopik des russischen Futurismus // Russian Literature. 1996. Vol. 40, № 3. P. 319–354.

Puchner M. Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-gardes. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Article metadata

Title: “The New Ways of the Word”: Theory and Methodology of Cognitive Research into Poetics of the Avant-Garde Manifesto

Author: I. V. Zykova

Author's e-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

Author's affiliation: Institute of Linguistics RAS

Abstract. The present paper aims to study the avant-garde manifesto as the manifesto of a new type and to analyze factors that establish the specificity of its poetics. The research shows that the specific character of the avant-garde manifesto's poetics is provided by the phenomenon of avant-garde, peculiar ways of historical evolution of the manifesto as a literary genre, and pragmatic goals of the avant-garde manifesto that influence the choice of appropriate language means and artistic and linguistic devices.

Special attention is paid to the theory and methodology of exploring the avant-garde manifesto's poetics that are elaborated on the manifesto “The New Ways of the Word” written by Aleksej Kruchenykh. The methodology is complex and includes the method of frame semantics, the method of ID card of avant-garde idioms, the method of linguo-cultural reconstruction, and the quantitative analysis. The methodology involves a five-level analysis that includes: 1) the interpretive analysis of the title of the avant-garde manifesto; 2) the frame analysis of the text aimed to extract language units that are most relevant in conceptual and practical terms; 3) the study of figurative-expressive means of the text of the avant-garde manifesto; 4) quantitative analysis of idioms and phraseological units used in the text in question; 5) the study of the semantics of the avant-garde idioms and phraseological units.

The results obtained let us draw the following deductions. The avant-garde idioms and phraseological units are the key constitutive elements shaping the poetics of the avant-garde manifesto. One of the basic techniques used to construct the poetics of the avant-garde manifesto is the conceptual-metaphorical collage.

Key terms: avant-garde manifesto, poeticity, poetics, avant-garde idiomatics, idioms, phraseological units, conceptual-metaphorical collage, cognitive approach.

Reference literature (in transliteration):

Althusser L. Machiavelli and Us. London, New York, Penguin, 2000.

Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika [Avant-garde in the culture of the 20th century (1900–1930): Theory. History. Poetics]. In 2 books. Ed. by Yu. N. Girin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010. (in Russ.)

Beliaevskaya E. G. Poetika khudozhestvennoj prozy: v poiskakh skrytykh smyslov [Poetics of fiction: in search of hidden meanings]. *Critique & Semiotics*, 2019, no. 2, p. 146–157. (in Russ.)

Beliaevskaya E. G. Tipologiya frejmov v konstruirovanii yazykovoj sistemy i diskursa [Typology of frames in the construction of the language system and discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2018, iss. 34, p. 346–349. (in Russ.)

Berdyayev N. A. Krizis iskusstva [The crisis of art]. Moscow, Izdanie G.A. Lemana i S.I. Saharova, 1918. (in Russ.)

Biryukov S. E. Poeziya russkogo avangarda [Poetry of the Russian avant-garde]. Moscow, Literaturno-izdatel'skoe agentstvo R. Elinina, 2001. (in Russ.)

Comins-Richmond W. Kruchenyx's Maloxolija v kapote: The Ana-grammatization of Literature. *Russian Literature*, 1996, vol. 39, no. 1, p. 1–12.

Eikhengolts M. Literaturnaya entsiklopediya [Literary encyclopedia]. Dictionary of literary terms. In 2 vols. Eds. N. Brodsky, A. Lavretsky, E. Lunin, V. Lvov-Rogachevsky, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinsky. Moscow, Leningrad, L. D. Frenkel Publ., 1925. (in Russ.)

Gerasimov Yu. K. Ot redaktora [From the editor]. In: Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma [Literary manifestos and declarations of Russian modernism]. St. Petersburg, Pushkinskij Dom Publ., 2017, p. 3–6. (in Russ.)

Girin Yu. N. Problema avangarda: sodержanie, granitsy, ponyatijnyj apparat [The problem of avant-garde: content, boundaries, conceptual base]. Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika [Avant-garde in the culture of the 20th century (1900–1930): Theory. History. Poetics]. In 2 books. Ed. by Yu. N. Girin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, p. 34–76. (in Russ.)

Girin Yu. N. Vvedenie [Introduction]. In: Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika [Avant-garde in the culture of the 20th century (1900–1930): Theory. History. Poetics]. In 2 books. Ed. by Yu. N. Girin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, p. 3–6. (in Russ.)

Grigoriev V. P. Budetlyanin. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2000. (in Russ.)

Hansen-Löve A. Die antiapokaliptische Utopik des russischen Futurismus. *Russian Literature*, 1996, vol. 40, no. 3, p. 319–354.

Karasik I. N. Manifest v kul'ture russkogo avangarda [Manifesto in the culture of Russian avant-garde]. In: Poeziya i zhivopis' [Poetry and painting]. Works of memory N. I. Khardzhiev. Eds. M. B. Meilakh, D. V. Sarabiyarov. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, p. 129–138. (in Russ.)

Kobrinsky A. A. Poetika OBEHRIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka [Poetics of OBERIU in the context of the Russian literary avant-garde of the 20th century]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2013. (in Russ.)

Krasitsky S. R. O Kruchenykh [About Kruchenykh]. In: Aleksej Kruchenykh. Stikhotvoreniya, poehmy, romany, opera [Poems, novels, opera]. Intr., comp., prep.,

notes by S. R. Krasitsky. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001, p. 5–40. (in Russ.)

Poeziya i zhivopis' [Poetry and painting]. Works devoted to the memory of N. I. Khardzhiev. Eds. M. B. Meilakh, D. V. Sarabiyarov. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 848 p.: il. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). (in Russ.)

Polyakov V. V. Knigi russkogo kubofuturizma [Books of Russian Cubo-Futurism]. 2nd ed. Moscow, Gileya Publ., 2007. (in Russ.)

Puchner M. Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-gardes. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Shutyomova N. V. «Poetichnost'» i «literaturnyj zhanr»: k voprosu o sootnoshenii ponyatij [“Poeticity” and “literary genre”: on the correlation of concepts]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm State University], 2013, vol. 3 (23), p. 107–113. (in Russ.)

Smirnov L. God Malevicha [Malevich Year]. *Nashe nasledie* [Our Heritage], 1989, iss. 2, p. 113–117. (in Russ.)

Sokolova O. V. Avangardnyj manifest: mezhdru poeticheskoj i politicheskoj revolyutsiej [Avant-garde manifesto: between poetic and political revolution]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Book of Slavic Studies], 2018, no. 93, p. 217–229. (in Russ.)

Tyupa V. I. Neklassicheskaya khudozhestvennost' [Non-classical artistry]. In: Poetika [Poetics]. Dictionary of relevant terms and concepts. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, I. Kulagina Publ., 2008, p. 139–141. (in Russ.)

Vasiliev I. E. Russkij poeticheskij avangard XX veka [Russian poetic avant-garde of the 20th century]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2000. (in Russ.)

Zykova I. V. Metazyk lingvokul'turologii: Konstanty i varianty [Metalanguage of linguoculturology: Constants and variants]. Moscow, Gnozis Publ., 2017. (in Russ.)

Zykova I. V., Sokolova O. V. Yazykovej eksperiment kak ustanovka na idiomatizatsiyu v manifestakh kubofuturistov: Idiomatika avangarda [Linguistic experiment as the attitude to idiom-formation in Cubo-Futurists' manifestos: avant-garde Idiomatics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2019, no. 2, p. 7–20. (in Russ.)

Zykova I. V. Idiomatika avangarda: ID card idiomy v avangardnom diskurse [Avant-garde idiomatics: ID card of idioms in avant-garde discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2018, iss. 35, p. 210–219. (in Russ.)

Zykova I. V. Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya [Conceptosphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguoculturological study]. Moscow, Lenand Publ., 2015. (in Russ.)